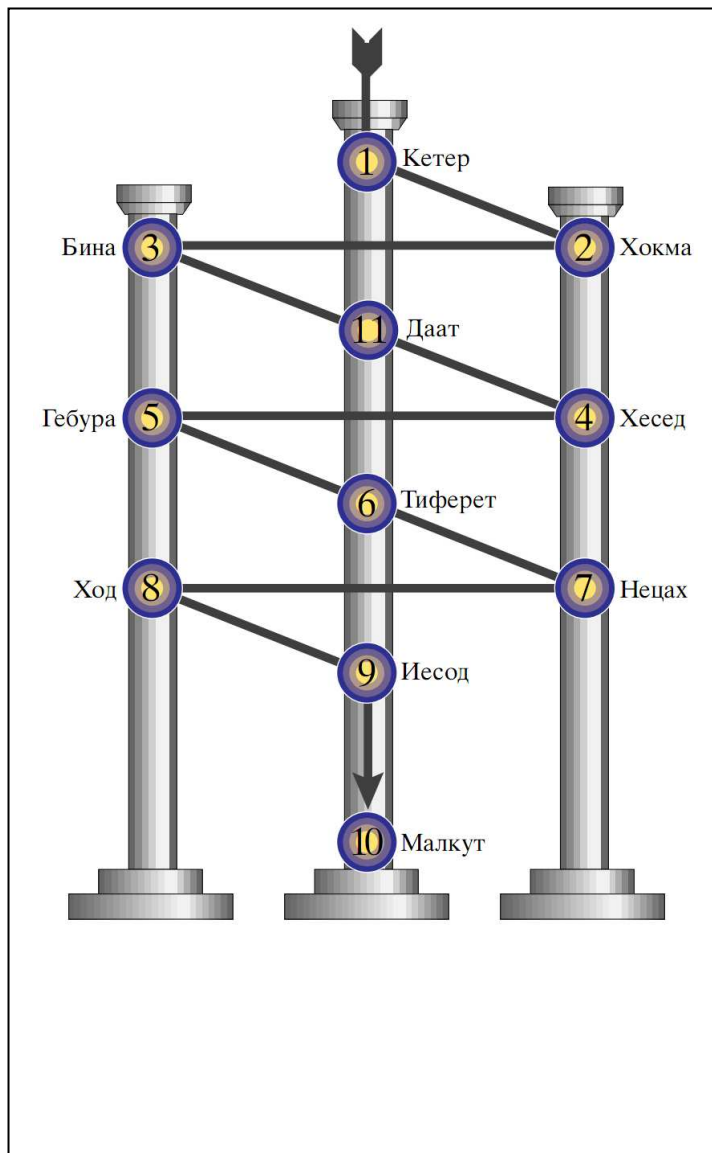

ГЛАВА 30

Пора! Пора!

Сефира 3. Наименование: *Бина, Разум или Понимание.*

Топология: *На вершине колонны Справедливости (Строгости).*

План: *Ацилут.*

Планетарное соответствие: ♄ *Сатурн.*

Зодиакальное соответствие: ♒ *Водолей.*

Имя Божье: *Иегова Элохим.*

Гностический символяриум: *Зрелость; Спокойствие, связанное с полнотой знания; Совершенство смерти; Полная самоидентификация; Сведение воедино; Устройство всего; Гармония мира; Растворение в Истине; Близость к дальнему; Попаление мусора; Святость как принцип, а не состояние; Стопроцентность; Тяжесть удельного веса.*

Гроза вбирает в себя содержание трёх последних глав. Достигает она и арбатского подвала, где остывают от посвячительных пертурбаций двое московских влюблённых. Мастер, чувствуя висящее в воздухе насилие и затянувшуюся паузу в естественном ходе событий, развивает перед Маргаритой мысль, “что вот-вот начнётся какая-то совершеннейшая чепуха”.

“На Маргарите прямо на голое тело был накинут чёрный плащ, а мастер был в своём больничном белье. <...>

На ковре лежали рукописи, они же были и на диване. Валялась какая-то книжка горбом в кресле. А на круглом столе был накрыт обед, и среди закусок стояло несколько бутылок. Откуда взялись все эти яства и напитки, было неизвестно и Маргарите и мастеру. Проснувшись, они всё это застали уже на столе”.

Пересаженным в аквариум рыбкам не только налили воду, но и подсадили водоросли, набросали камней и насыпали корма. Исполнение желаний — так *исполнение желаний*. Заказывали? — получите! У обоих ныл левый висок: напоминание об общении с Ведомством, *левом*, на взгляд из этого мира.

“— Фу — ты, чёрт! — неожиданно воскликнул мастер. <...> — Нет, послушай, ты же умный человек и сумасшедшей не была... Ты серьёзно уверена в том, что мы вчера были у сатаны?

— Совершенно серьёзно, — ответила Маргарита.

— Конечно, конечно, — иронически сказал мастер, — теперь, стало быть, налицо вместо одного сумасшедшего двое! И муж и жена. — Он воздел руки к небу и закричал: — Нет, это чёрт знает что такое, чёрт, чёрт, чёрт!

Вместо ответа Маргарита обрушилась на диван, захохотала, заболтала босыми ногами <...>

— Ты сейчас невольно сказал правду, — заговорила она, — *чёрт знает что такое, и чёрт, поверь мне, всё устроит!* — Глаза её вдруг загорелись, она вскочила, затанцевала на месте и стала вскрикивать: — *Как я счастлива, как я счастлива, что вступила с ним в сделку!* О дьявол, дьявол!.. Придётся вам, мой милый, жить с *ведьмой!* <...>

— А ты действительно стала похожа на *ведьму*.

— А я этого и не отрицаю, — ответила Маргарита, — я *ведьма* и очень этим довольна.

— Ну, хорошо! — говорил мастер, — *ведьма так ведьма*. Очень славно и роскошно!”

Анти-Фауст Булгакова манифестирует себя здесь в полный голос. Мужественная Маргарита выступает как активное начало, именно она “ставит на кон” всё и рискует. Игру, т. е. *кон*, обслуживает компания Воланда; Маргарита делает ставку — и срывает банк. Кокон счастья, который она получает в виде выигрыша, это и есть: $S^{\circ}(\&)кон$. Поэтому она не миндальничает в разговоре, называя вещи *своими* именами. — В обоих смыслах. Страх смерти, вернее, неизвестности за её порогом, дисциплинирует людей, заставляет их быть осмотрительнее и собраннее. Она же побывала по ту сторону бытия и *узнала тайну пятого измерения*. Значит, она стала *знающей*, т. е. *ведающей* или *ведьмой*, а числовой знак *измерения* фик-

сирован в тексте количеством произносимого подряд определителя её новой структуры. Она стала сурова, решительна и отчаянно смела; она ведёт себя уже как выпускница Земной школы. Эпизод с “задом в окошке” это ярко демонстрирует. А её резюмирующий *хохот*¹ — высшее (нем. *hoh*) состояние смелости в смехе, когда человек смеётся *последним*, — не оставляет сомнений в её полном пере рождении. Она уже знает (ведает), её уже не взять на испуг. Земные реактивы на неё уже не действуют: она закончила школу экстерном. Во тьме мира сего ей, находившейся близ Светоносца-Люцифера, опалённой этим испытанием и *просвещённой*, делать уже нечего. Она доигрывает свою партию, суется около застрявшего в медиативности перехода мастера.

“Как ты страдал, как ты страдал, мой бедный! Об этом знаю только я одна. Смотри, у тебя седые нити в голове и вечная складка у губ! Мой единственный, мой милый, не думай ни о чём! Тебе слишком много пришлось думать, и теперь буду думать я за тебя. И я ручаюсь тебе, *ручаюсь*, что всё будет ослепительно хорошо!”

Это знание и поручительство имеют трансцендентный источник, сюда они ниспадают, *ручьась*, с Шубертовской непринуждённостью и чистотой по ступеням посвятительной лестницы, которую одолела Маргарита. Мастер ещё пытается хорохориться: “Я ничего и не боюсь, Марго”, — и сразу срывается на всхлип, начинает отсылать её от себя, возвращая в готический роман соответствующего особняка... и вот тут “похититель собаки” — иначе говоря *дого-вор*, о чём речь шла выше, даёт себя знать. Возлюбленный, показавшийся ей на мгновение “таким, каким был, когда сочинял то, *чего никогда не видал, но о чём наверное знал, что оно было*”, не мог взлететь, как ни махал крыльками, и Пушкинское “...пора, брат, пора!” вызывало в нём только судорогу и пароксизмы бессилия.

“Ах, ты, ты, — качая растрёпанной головой, шептала Маргарита, — ах, ты, маловерный, несчастный человек. Я *из-за тебя* всю ночь вчера тряслась нагая, я потеряла свою природу и заменила её новой, несколько месяцев я сидела в тёмной каморке и думала только про одно — про грозу над Ершалаимом, я выплакала все глаза, а теперь, когда обрушилось счастье, ты меня гонишь? Ну что ж, я уйду, я уйду, но знай, что ты жестокий человек! Они опустошили тебе душу!”

Столь произвольное и яркое сравнение с бывшим сборщиком податей устыдило постстравинского “Ромео в кальсонах”, и он разрыдался. Плакали оба — филиал *очистительной грозы* сделал своё дело.

“...Мастер вытер глаза, поднял с колен Маргариту, встал сам и сказал твёрдо: — Довольно! Ты меня пристыдила. Я никогда больше не допущу малодушия и не вернусь к этому вопросу, будь спокойна. Я знаю, что мы оба жертвы своей душевной болезни, которую, быть может, я передал тебе... Ну что же, вместе и понесём её.

Маргарита приблизила губы к уху мастера и прошептала:

¹ Этот *хохот* пронизывает и «Идиота» Достоевского.

— *Клянусь тебе твоей жизнью, клянусь угаданным тобою сыном звездочёта, всё будет хорошо*”.

В этом любовном диалоге, вероятно, лучшем из всех, написанных до сих пор, ибо *такого уровня* участников и *соучастников* его не знала мировая история, главным козырем и аргументом является ссылка на Пилата, на верную угаданность его характера и *действий*. Есть ли хоть что-нибудь в пределах профанной видимости этого персонажа, что могло бы быть серьёзным, более того, *решающим* доводом в столь, казалось бы, далёком от прокуратора и жизненно важном именно для них предмете разговора? Что же *такое* угадал мастер, если роман его был удостоен прочтения самим Планетарным Логосом?

Маргарита как *ведьма* уже знает. Знает ли мастер? Может быть, в пылу вдохновения он и сам не догадывался, что *написал*?

Знает. Об этом свидетельствует его больничный возглас: “О, как я угадал! О, как я *всё* угадал!” Только для ивано-бездомного типа простофиль возглас этот может казаться касающимся исключительно “белой мантии с кровавым подбоем”. Само “помавание мантией” — отвлекающий “тореадорский” манёвр, чтобы скрыть фантастической важности главное, о чём мастер не смеет проговориться впрямую и что является сутью его великого текста. И свой главный секрет Булгаков припасает напоследок. Важность этого пункта подчёркивается тем, что именно в момент очередного чертыхания и под воркование вокруг крытого стола раздаётся знакомое “*носовое*”:

“— Мир вам”.

Т. е. явился как минимум — *нунций*. А вместе с ним и *канун*.

“Мастер вздрогнул, а привыкшая уже к необыкновенному Маргарита вскричала:

— Да это Азazelло! Ах, как это мило, как это хорошо! — и, шепнув мастеру: — Вот видишь, видишь, нас не оставляют! — бросилась открывать. <...>

И вот уж Азazelло раскланивался, здоровался с мастером, сверкал ему своим кривым глазом, а Маргарита восклицала:

— Ах, как я рада! Я никогда не была так рада в жизни! Но простите, Азazelло, что я голая!

Азazelло просил не беспокоиться, уверял, что он видел не только голых женщин, но даже женщин с начисто содранной кожей², охотно подсел к столу, предварительно поставив *в угол* у печки какой-то свёрток в тёмной парче”.

Вид не то патера, не то монаха и соответствующая лексика призваны адаптировать новичка-мастера к мистериальному карнавалу в постановке “иностранного специалиста по чёрной магии”. Попытки арбатского пророка всё объяснить рационально или скопом списать на тихое помешательство следовало прободать непривычной ему карнавальностью, и извинения Маргариты (проторчавшей весь

² Убийственна полная асексуальность этой куртуазной реплики — бесполой “антифрейд” Надземного.

бал нагишом), произнесённые специально для мастера, были поддержаны пришедшим с форс-гиньольной галантностью.

Разглядывая Азазелло за столом, куда его пригласила Маргарита, мастер стал потихоньку привыкать к странному маленькому квадратному крепышу, чему способствовал и разливаемый по стопкам коньяк. Озабоченность гостя не осталась незамеченной мастером. “Он не просто с визитом; а появился он с каким-то поручением”.

“Наблюдательность ему не изменила.

Выпив третью стопку коньяку, который на Азазелло не производил никакого действия, визитёр заговорил так:

— А уютный подвальчик, *чёрт меня возьми!* Один только вопрос возникает, чего в нём делать, в этом подвальчике?

— Про то же самое и я говорю, — засмеявшись, ответил мастер.

— Зачем вы меня тревожите, Азазелло? — спросила Маргарита. — Как-нибудь!

— Что вы, что вы! — вскричал Азазелло. — Я и в мыслях не имел вас тревожить. Я и сам говорю — как-нибудь. Да! Чуть не забыл... Мессир передавал вам привет, а также велел сказать, что приглашает вас сделать с ним *небольшую прогулку*, если, конечно, вы пожелаете. Так что ж вы на это скажете?

Маргарита под столом толкнула ногою мастера.

— С большим удовольствием, — ответил мастер, изучая Азазелло, а тот продолжал:

— Мы надеемся, что Маргарита Николаевна не откажется от этого?

— Я-то уж наверное не откажусь, — сказала Маргарита...”

Перевод по ту сторону бытия хоть и ординарное дело для профессионалов такого ранга, как Азазелло, но в драматургии земного бытия процедура хлопотная и неблагодарная. Поэтому, мучась необходимостью быть быстрым в результате и в то же время деликатным в его достижении, Азазелло и позволяет себе восклицание, сюрреализм которого его собеседники не могли не оценить. Впрочем, расусоливать — некогда. Ссылка на Воланда решает проблему.

Возникает вопрос: что было бы, если бы мастер и Маргарита отказались от “небольшой прогулки”? Ответить на него нелегко, “но мы попробуем”.

Свобода воли на Земле полностью решает ход и повороты человеческой судьбы. И будь *воля* двух наших персонажей суверенна — с “прогулкой” пришлось бы повременить. Но! Мастера сломали, у него уже нет *своей* воли. Маргарита же израсходовала всю волевою энергию на поиски мастера и на его, по нахождению, опеку. Кроме того, она как *ведьма* — уже частичная потусторонница.

Хотя решение Иешуа застало Воланда врасплох, он своей предыдущей “работой” с подопечными подготовил их к контакту с Надмирным, оставив возможность для обоих Ведомств уточнять ситуацию по частностям. Безусловно, в некотором смысле новое решение как бы отменяет *дар* Мессира, и надо сказать, *заслуженный дар*. Воланд *недаром* намекнул Маргарите, что она выбрала *не самое*

лучшее. За Фриду ей положена премия, и Ведомство Милосердия не могло оставить её без награды. Да, она наверняка заслужила *свет*. Тогда как мастера следовало медленно “оттаивать” в полумгле *покоя*, и наградой ей, согласно её желанию, служит вечная неразлучность с ним. Он, конечно, не имел права отказываться от написанного им Евангелия. Правда, она, подлинная его половина, от текста не отреклась. И оказалась по отношению к мастеру идеологической Сольвейг. Насколько это важнее сексуальной интриги, и продемонстрировано на страницах МиМ.

Несмотря на нежное к нему отношение Маргариты, Аззелло нигде, как и положено, не даёт слабину.

“— Чудеснейшая вещь! — воскликнул Аззелло. — Вот это я люблю! Раз-два и готово! Не то, что в Александровском саду.

— Ах, не напоминайте мне, Аззелло! Я была глупа тогда. Да, впрочем, меня и нельзя строго винить за это — ведь не каждый же день встречаешься с *нечистой силой!*

— Ещё бы, — подтвердил Аззелло, — *если б каждый день, это было бы приятно!*”

Вырывающееся у захмелевшей Маргариты традиционное “нечистая сила” в смысле правильного понимания деятельности и восторгов в адрес всех членов команды не только не вызывает со стороны Аззелло одёргиваний, но, наоборот, заставляет произнести один из самых концептуальных афоризмов Евангелия Сатаны. *Нечистая* в этом случае может быть интерпретировано только как характеристика *чернорабочих* трудов и треб и почти как укор белоручкам-ангелам. Вот откуда “вымазанная сажей” физиономия Бегемота и закопчённое пенсне Коровьева. И мы, следившие за деяниями “ансамбля ассенизаторов” во всю их московскую гастроль, понимаем тружеников. Появление Небесного Экзаменатора уже есть свидетельство высшей готовности кого-то из землян и общего торжества Земной школы. А то, что при отделении семян “попаляются плевелы”, только сами эти плевелы и может расстраивать.

Короче, распоряжение Планетарного Логоса обсуждению не подлежит.

Оставив без внимания пьяные комплименты Маргариты по поводу его стрельбы,

“— И опять-таки забыл, — прокричал Аззелло, хлопнув себя по лбу, — совсем замотался! Ведь мессир прислал вам подарок, — *тут он отнёсся именно к мастеру*, — бутылку вина. Прошу заметить, это то самое вино, которое пил прокуратор Иудеи. Цекуба³.

Вполне естественно, что такая редкость вызвала большое внимание и Маргариты и мастера. Аззелло извлёк из куска *гробовой парчи* совершенно заплесневевший кувшин. Вино нюхали, налили в стаканы, глядели сквозь него на исчезающий перед грозой свет в окне. Видели, как всё окрашивается в цвет крови.

— Здоровье Воланда! — воскликнула Маргарита, поднимая свой стакан”⁴.

³ С исправл. За счёт близости к сократовской *цикуте* это вдвойне выразительно.

⁴ Оглушительная контроверза злобному шипению Левия Матвея.

Акция знаменательная. “Как я всё угадал!” оборачивается реальностью до самых мельчайших деталей. “Вымысел” материализуется и становится юридической процедурой с привлечением “вещественных доказательств”. Чтобы снова стать вровень с преданным им текстом, мастер должен пройти *через кровь*, и гробовая парча сакрально указывала на это. Возрождённый романом *главный герой мировой истории Иешуа* не мог терпеть около себя предавшего его автора. *Милосердие* требовало обновления даже путём прохождения сквозь *смерть и преобразование*. Второе ему было гарантировано обоими Ведомствами сразу.

Но Маргарита с её тостом!..

Будь Роман светским произведением, его следовало бы назвать «Маргарита и мастер». Впрочем, недаром лирический герой в титулатуре безымян.

“Все трое приложились к стаканам и сделали по большому глотку. Тотчас предгрозовой свет начал гаснуть в глазах у мастера, дыхание его перехватило, он почувствовал, что настаёт конец. Он ещё видел, как смертельно побледневшая Маргарита, беспомощно простирая к нему руки, роняет голову на стол, а потом сползает на пол.

— Отравитель... — успел ещё крикнуть мастер. <...>

Когда отравленные затихли, Аззелло начал действовать. Первым долгом он бросился в окно и через несколько мгновений был в особняке, в котором жила Маргарита Николаевна. Всегда точный и аккуратный, Аззелло хотел проверить, всё ли *исполнено, как нужно*. И всё оказалось в полном порядке. Аззелло видел, как *мрачная*, дожидаясь возвращения мужа женщина вышла из своей спальни, внезапно побледнела, схватилась за сердце и, крикнув беспомощно:

— Наташа! Кто-нибудь... ко мне! — упала на пол в гостиной, не дойдя до кабинета.

— Всё в порядке, — сказал Аззелло”.

То, что происходит далее, претерпевающее существо характеризует как *отравление*. Так ли это? Если бы в задачу Аззелло входило прямое убийство, он мог обойтись менее хлопотным и театрально обставленным способом, чем бутылка древнего вина. “Заплесневелый кувшин” есть одновременно и доказательство, и показательство абсолютной реальности того, что “сочинил” мастер. Радостный вопль “Как я всё угадал!” ко многому обязывает: например, выстраивать своё существование сообразно объективированной реальности собственного произведения. Мыслеформы *высоких душ* воплощаются и становятся частью мира, где духовно и физически обитает автор. В тексте Романа никак не отмечено потрясение от встречи с объектом, предметом, *вещью* из творческого воображения одного из обитателей подвала. Не удивился мастер и тому, что Аззелло легко дотянулся до реальности почти двухтысячелетней давности и вынес оттуда вполне материальный её кусок, приобщиться коему и предлагает.

С другой стороны, чему ещё удивляться, если рядом — с абсолютной достоверностью присутствия — сидит *один из демонов*, после *трёх* рюмок коньяку вступающий со своим предложением (три *кося* уже поджидают компанию)?

Убойно-повальное действие напитка на “голубей” связано исключительно с его *выдержкой*, равной сроку небесной епитимьи Пилата, ведь к моменту, когда его распивали прокуратор с Афранием, ему уже было *тридцать* лет. Даже если не считать *время после*, то и в этом случае *тридцать плюс три* (рюмки коньяку) дают сакрально-мистическое число *тридцать три* — признак высшей посвятительной точки, после чего *выпускнику Земной школы* тереться далее в её классах неприлично.

Вот почему “адрес отравителя” — неизвестен.

И до этого эпизода коварство со стороны Ведомства Справедливости было невозможно, а уж после тоста Маргариты оно взорвало бы всю Небесную Иерархию. Так что реакция на напиток (его, кстати, *на равных* пьёт и сам Азazelло) это не более чем “подёргивание отрезанной лапки лягушки под действием электрического тока”.

Далее идут такие крутые дела, что читатели обычно пытаются их “пробежать потупясь”, дабы свой романтический захлѐб от мотыльково-глиссирующего восприятия текста не омрачать созерцанием двух трупов.

Так что за действие производит Азazelло в готическом особняке? Как понять наличие в нём *одновременно* с любовниками в арбатском подвале некой *мрачной* маргаритообразной дамы, ожидающей своего мужа в тоске и праздности соержанского быта? Где же *настоящая* Маргарита: *здесь* или *там*?

Тривиальность подбивает сказать с радостным блеском в глазах: *здесь* — душой, *там* — телом. На этот случай нас подстерегает Александр Сергеевич с дубиной по башке для отрезвления резвецов: “Благочестивая жена Душою Богу предана, А грешной плотию Архимандриту Фотию”. Тем более, что мастер, называя их не без основания *мужем и женою*, имеет в виду контакт не только с душою Маргариты; и её «любовники» прямо указывает на это же.

Всѐ, что происходит с Маргаритой во второй части Романа (от посещения Александровского сада и далее), есть светлячковое мерцание на пограничье “как бы двойного бытия” с медленным смещением в сторону потусторонности, где помимо сгоревшего романа она уже числила находящимся и его автора. На том же пограничье “топтался” и мастер, сквозя и проваливаясь попеременно то туда, то сюда. Для того чтобы не свихнуться от происходящего, они должны быть *не совсем здесь* или, как интерпретирует мастер, *не совсем в себе*. Т. е. они как бы потерялись в знаменитом **тоннеле**, потому что, вцепившись друг в друга, застряли в нём, по диаметру рассчитанном на одного. Пришлось “разводить багром” и поштучно проталкивать к выходу. Под сердце *мрачной* дамы (*мрак* — всегда палиндромный эквивалент *кармы*), жизнь которой после утраты мастера стала абсолютно бессмысленной, была заблаговременно заложена взрывчатка инфаркта, осталось только нажать на взрыватель. Что Азazelло и делает.

После этого “двойное бытие” оканчивается; восстанавливается утраченная *цельность*; происходит полное и *окончательное* (вот почему Азazelло “бросается в окно”) *исцеление*; под него создаётся новое, облегчѐнное для возможности полѐта тело.

Дело сделано. В готическом особняке остаётся сброшенная кожа, пустая оболочка, порожняя скорлупа, из какой выпорхнула птица души — **Ба**. Всё происходит практически при $t = 0$.

“Через мгновение он был возле поверженных любовников. Маргарита лежала, уткнувшись лицом в коврик. Своими железными руками Аззелло повернул её, как куклу, лицом к себе и *вгляделся* в неё. На его глазах лицо отравленной менялось.

Даже в наступающих грозных сумерках видно было, как исчезало её *временное ведьмино косоглазие и жестокость и буйность черт*. Лицо покойной посветлело и, наконец, смягчилось, и оскал её стал не хищным, а просто женственным страдальческим оскалом. Тогда Аззелло разжал её белые зубы и влил в рот несколько капель того самого вина, которым её и отравил. Маргарита вздохнула, стала подниматься без помощи Аззелло, села и слабо спросила:

— За что, Аззелло, за что? Что вы сделали со мною?

Она увидела лежащего мастера, содрогнулась и прошептала:

— Этого я не ожидала... убийца!

— Да нет же, нет, — ответил Аззелло, — сейчас он встанет. Ах, зачем вы так нервны!”

Достаточно сопоставить манипуляции Аззелло над Аннушкой-чумой и над Маргаритой, чтобы *подлинное лицо* полномочного представителя Высших Сил на Земле высветившись целиком, предстало во всей своей объёмности. А пугающие “челюсти гусеницы” уступили место в перерожденнице “нежному хоботку бабочки”. Так что *грязные, разнузданные ведьмы, лобзающие в анус сатану* — “ах, это, братцы, о другом”.

Знаменательно, что в магических процедурах *яд* и *противоядие* — одна жидкость, и всё происходит по озвученному Воландом в начальных главах Романа фундаментальному медицинскому принципу: *лечить подобное подобным*.

“Маргарита поверила ему сразу, настолько убедителен был голос рыжего демона. Она вскочила, сильная и *живая*, и помогла напоить лежащего вином. Открыв глаза, тот глянул *мрачно* и с ненавистью повторил своё последнее слово:

— Отравитель...

— Ах! Оскорбление является обычной наградой за хорошую работу, — ответил Аззелло. — Неужели вы *слепы*? Но *прозрейте* же скорей!

Тут мастер поднялся, огляделся взором *живым* и светлым и спросил:

— Что же означает *это новое*?

— Оно означает, — ответил Аззелло, — что нам *пора*. Уже гремит гроза, вы слышите? Темнеет. *Кони* роют землю, содрогается маленький сад. Прощайтесь с подвалом, прощайтесь скорей”.

Важной деталью изображения *пробуждения к новой жизни* является момент инерционного затекания поведенческого рисунка «до» в атмосферу «после», де-

лающего соединение не жёстким, край “списанным”, а “сосуды” двух миров — *сообщающимися*. Тем более *для тех*, у кого вместе с памятью есть что терять.

— А, понимаю, — сказал мастер, озираясь, — вы нас убили, мы *мертвы*. Ах, как это умно! Как это вовремя! Теперь я понял всё.

— Ах, помилуйте, — ответил Азazelло, — вас ли я слышу? Ведь ваша подру-га называет вас мастером, ведь вы мыслите, как же вы можете быть мертвы? Разве для того, чтобы считать себя *живым*, нужно непременно сидеть в подвале, имея на себе рубашку и больничные *кальсоны*? Это смешно!

— Я понял всё, что вы говорили, — вскричал мастер, — *не продолжайте!* Вы *тысячу* раз правы!”

Это — смысловая кульминация перед огненной кодой финала. Обсуждение происходящего достигает точки *высшей правды*. Звучит неслыханная информация, которую обычно расчувствовавшийся читатель пропускает без всякого внимания. Как при рождении человек человеку — рознь, так и при переходе по ту сторону (с учётом “оценок, полученных в *Земной школе*”) их ожидает разное — совсем *не то*, что вещает варварская бормотуха о “рае” и “аде”. *Избранным* (Христа), употребившим свои возможности мыслить на постижение замысла Творца о человеке, эта способность сохраняется в заповеделье в отличие от других, сбрасывающих биокomпьютер вместе с остальными отслужившими частями тела. Поэтому ссылка на знаменитую формулу Декарта — есть искромётное доказательство *ad hoc* всей нелепости предположения насчёт смерти.

На крошечное пространство этих переговоров Булгаков мечет щедрой рукой все свои сокровища: любимые темы (*слепота*), удачные находки (*баллада о кальсонах*), бриллианты остроумия (“Не продолжайте!” из «Багрового острова»). Он смазывает *колесо переворота* розовым маслом Ершалаима, доводя мастера (не утратившего своего звания и в новом обличье) и Маргариту до сокращения М.&М., держа цирковым бичом выдернутый из связки знак соединительного союза. И только под обвал *Mutatis mutandis*⁵ мастер, наконец, удостоивает его похвалы — алаверды М⁶, причём незаметно съезжая с *вы* на фамильярное *ты* (Тысячу).

— Великий Воланд, — стала вторить ему Маргарита, — великий Воланд! Он *выдумал гораздо лучше, чем я*. Но только роман, роман, — кричала она мастеру, — роман возьми с собою, куда бы ты ни летел!

— Не надо, — ответил мастер, — я помню его наизусть.

— Но ты ни слова... ни слова из него не забудешь? — спрашивала Маргарита, прижимаясь к любовнику...

— Не беспокойся! *Я теперь ничего и никогда не забуду*, — ответил тот.

— Тогда огонь! — вскричал Азazelло. — Огонь, с которого всё началось и которым мы всё заканчиваем.

⁵ *Mutatis mutandis* (М.М.), лат. — *изменив, что должно быть изменено*.

⁶ *Mille*, лат. — тысяча (М.). М&М в этом случае 1000 лет до Герберта Аврилакского и ≈ 1000 лет до Мастера.

— Огонь! — страшно прокричала Маргарита”.

Под этот артиллерийский рывк начинается зороастрийский ритуал, радостная вакханалия агни, ибо только *огонь* соединяет в себе Христа-агнца и Христа-льва.⁷ И среди сжигаемых предметов одной из первых воспламеняется рукопись романа. Второй раз горела — и хорошо горела! — эта пачка листов, искушая профанов и дразня интеллектуалов по поводу знаменитого афоризма.

“— Гори, гори, прежняя жизнь!

— Гори, страдание! — кричала Маргарита”.

И то — *огнём обновляется вся природа!*

“Комната уже колыхалась в багровых столбах, и вместе с дымом выбежали через двери трое, поднялись по каменной лестнице вверх и оказались во дворике. Первое, что они увидели там, это сидящую на земле кухарку застройщика; возле неё валялся рассыпавшийся картофель и несколько пучков луку. Состояние кухарки было понятно. Трое *чёрных* коней храпели у сарая, вздрагивали, взрывали фонтанами землю. Маргарита вскочила первая, за нею Азazelло, последним мастер. Кухарка, простонав, хотела поднять руку для крестного знамения, но Азazelло грозно закричал с седла:

— *Отрежу руку!* — Он свистнул, и кони, ломая ветви лип, взвились и вонзились в низкую *чёрную тучу*”.

Прав был Гоголь — “*всё отстаёт и остаётся позади*”. Сиречь земная юдоль с ползающими во тьме аборигенами, бездумно повторяющими, как всегда *не ведая, что творят*, кощунство, измышленное некогда ненавистником Христа — Савлом. Плотник, который угрюмо строгал перекладыны “честнаго”, которому, как и Иуде, по словам Христа, «лучше бы не родиться», ныне возведён в ранг выше Страдивари. И снова вспомним великого Шопенгауэра: *Религии — как светлячки; они могут светиться только в абсолютной тьме. Уэллсовская Россия во мгле — это Набоковская камера обскура.* — Кухарка на земле, рассыпавшийся картофель и несколько пучков луку. И лужа под ней от удивления и испуга.

“Маргарите уже было знакомо ощущение полёта, а мастеру — нет, и он подивился тому, как быстро они оказались у цели, у того, с кем он хотел попрощаться”.

Последние напутствия мастера единственному, какому ни есть, ученику.

“Иванушка лежал неподвижно... <...> Когда он всмотрелся как следует в тёмный силуэт, ворвавшийся к нему с балкона, он приподнялся, протянул руки и сказал радостно:

— А, это вы! А я всё жду, жду вас. Вот и вы, мой сосед.

На это мастер ответил:

— Я здесь! Но вашим соседом, к сожалению, больше быть не могу. Я улетаю навсегда и пришёл к вам лишь попрощаться. <...>

Иванушка посветлел и сказал:

— Это хорошо, что вы сюда залетели. Я ведь слово своё сдержу, стишков больше писать не буду. Меня другое теперь интересуется, — Иванушка улыбнулся

⁷ См. систему тригонов стихий в Астрософийном круге.

и безумными глазами поглядел куда-то мимо мастера, — я другое хочу написать. Я тут пока лежал, знаете ли, очень многое понял.

Мастер взволновался от этих слов и заговорил, присаживаясь на край Иванушкиной постели:

— А вот это хорошо, это хорошо. Вы о нём продолжение напишите!”

Речь идёт о Воланде, о нём столько было сказано в этих стенах. Мастер только что подтвердил Ивану, что встретил его. Но описывать звёзды лучше из тьмы колодца.

“Иванушкины глаза вспыхнули.

— А вы сами не будете разве? — тут он поник головой и задумчиво добавил: — Ах да... что же это я спрашиваю, — Иванушка покосился на пол, посмотрел испуганно.

— Да, — сказал мастер, и голос его показался Иванушке незнакомым и глухим, — я уже больше не буду писать о нём. Я буду занят другим”.

Сцена колеблется, зыблется, как волосы водорослей в реке. Активным началом вроде бы выступает мастер, но сама его определённая просеяна, как песок, сквозь сито мерцающего сознания Ивана. Точкой отсчёта взят *этот* мир, ибо с высоты *того* Ивана просто не существует. Он не более чем элемент пейзажа, абрис в стробоскопии грозы без существенных характеристик.

Ответы мастера уклончивы и неопределённы. Почему “я уже больше не буду писать о нём? И что значит “я буду занят другим”? Чем или кем? Да и вопросы Ивана, будучи произнесены, вызывают у него самого *испуг*. Испуг от возможности услышать выходящий за пределы его разумения ответ.

И мастер щадит ученика. Так же мягко отнеслась к нему и Маргарита. Склонившись над Иванушкой и поцеловав его в лоб, она зашептала: “... всё у вас будет так, как надо... в этом вы уж мне поверьте, я *всё уже видела, всё знаю*”. Это звучит совсем по-воландовски, и дело не в стилистике, а в обеспечении каждого слова действием. Их сегодняшнее положение — её и возлюбленного — даёт ей право так говорить.

“Лежащий юноша охватил её шею руками, и она поцеловала его.

— Прощай, ученик, — чуть слышно сказал мастер и стал таять в воздухе. Он исчез, с ним вместе исчезла и Маргарита. Балконная решётка закрылась”.

Между тем в лечебнице начался сдавленный переполох. Дошёл он и до Ивана: Прасковья Фёдоровна, вызванная больным, вынуждена была, напрягаясь, рассказать, в чём дело. В сто восемнадцатой палате скончался постоялец, не жилец он был на этом свете. Или лучше сказать — тьме.

Иван многозначительно поднял палец и сказал:

“Я так и знал! Я уверяю вас, Прасковья Фёдоровна, что сейчас в городе ещё скончался один человек. Я даже знаю, кто, — тут Иванушка таинственно улыбнулся, — это женщина”.

Невозможно себе представить лучшей иллюстрации семантического наполнения сефиры Бина, чем эта глава Романа. Лёгкие всполохи недоразумений тут же

гаются огромной волной понимания, заливающего всё пространство текста своим хрустальным светом, своей великой добротой. Воистину, *понимание — есть высшая форма любви. Понимание* переполняет вершинную сефиру Колонны Строгости (Справедливости) до самых краёв. Как Воланд *понимает* влюблённых! — Маргарита с радостью принимает поправку к своему выбору участи, ей вторит и мастер. Как *понимает* ситуацию Азazelло, как он самоотвержен и деликатен в выполнении поручения! Как глубоко в конце концов понимают всю тонкость с ними происходящего обновлённые мастер и Маргарита. Как нежны они с *Иванушкой*, едва начинающим что-то *достигать дурачком*, остающимся на Земле залогом грядущего *всеобщего понимания* — **всех и всего**.

Мы прощаемся со Столбом Справедливости. Осталось окинуть взглядом целое — и можно отчаливать вдаль. Процедура Нигредо окончена. Хотя она остаётся в символике *чёрных* коней, туч и плащей.

И ещё одно: Бина — Великая Мать. Посему глава кончается словом «женщина».